

Д.В. Мельник

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ:
В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА**

Мельник Денис Валерьевич – кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы экономики, старший научный сотрудник ИЭ РАН.

Современность и «рынок будущего»

Оценивая развитие России последних пяти лет, можно утверждать, что проявления гражданского протеста по итогам прошедших в декабре 2011 г. парламентских выборов обозначили начало трансформации политико-экономической модели страны. Эти протесты нельзя объяснять исключительно социально-психологическими факторами, о которых много говорилось за прошедшую пятилетку – «раздражением горожан», недовольством «креативного класса», соответствующей реакцией власти и пр. Дело в исчерпании потенциала инерционной модели развития, основывающейся преимущественно на ресурсах, инфраструктуре и институтах еще советской эпохи. Уже ощутимое и неизбежное в дальнейшем сокращение экономических дивидендов от стабилизации для большинства населения все быстрее обесценивает дивиденды политические, извлекаемые из укрощения (действительно-го или кажущегося) стихии «лихих 90-х».

Всплеск спроса на будущее – вот что лежало в основе политических процессов 2011–2012 гг. В настоящее время этот спрос в значительной степени отложен и не оказывает влияние на то, что принято называть «повесткой дня». Однако в будущем он может превратиться в значимый фактор.

Для осуществления модернизации необходимо наличие субъекта модернизационного процесса – круга лиц, ответственных за разработку и проведение соответствующей политики, а также связанных с ними групп и институтов. Этот субъект в конечном счете выявляется в рамках политических механизмов. Логика поведения здесь основана либо на удержании имеющейся власти, либо на ее обретении в борьбе с менее удачливыми конкурентами. В условиях роста «спроса на будущее» основным оружием политической

борьбы становится формирование программ, соответствующих этому спросу. Борьба за предпочтения граждан ведется путем формирования «образов будущей элиты» – за исключением случаев, когда элита более не в состоянии (путем рекомбинации, временного забвения внутренних конфликтов, уступок и т.п.) приспособиться к меняющимся условиям, что может привести к смене правящего слоя. Конфигурация и свойства элиты являются важным фактором, определяющим субъект модернизации.

Модель периферийного развития и Россия

Политическая воля, пусть и опирающаяся на потребности общества, является необходимым, но не достаточным условием последовательных и целенаправленных изменений. Структура экономики, характер процессов накопления и распределения задают пространство возможностей для проведения политических мер, определяют закономерности поведения субъекта модернизации. Соответствует ли сложившаяся экономическая система потребности России в модернизации? Для ответа надо охарактеризовать эту систему в целом.

В некоторых исследованиях последнего времени используется определение сложившейся в России политико-экономической системы как периферийного капитализма [см., напр.: 13]. Концепция периферийного капитализма получила обоснование в работах аргентинского экономиста Р. Пребиша и его последователей, представителей структуралистской школы. Опираясь на эти исследования, периферийный капитализм можно определить как экономику, испытывающую недостаток в накоплении и производительном потреблении капиталов, включенную в мировой рынок в качестве поставщика преимущественно сырьевых ресурсов и (или) сельскохозяйственной продукции. Отличительной структурной особенностью такой экономики является ее дуалистический характер: жесткое разделение между секторами и регионами, непосредственно связанными с мировым рынком, способными внедрять технологии и формы организации, обеспечивающие высокий уровень производительности и дохода, с одной стороны, и пространствами отсталости – с другой. Единственной устойчивой формой связи между анклавами развития и «периферией» национальной экономики выступает поток дешевой рабочей силы, использующей получаемые в «центрах» системы доходы для поддержания прожиточного минимума. Барьеры, препятствующие переливу капиталов и выравниванию доходов, закрепляются отсутствием или неадекватностью механизмов социальной ротации, провалами в социальной сфере.

Ключевым динамическим параметром, объясняющим развитие периферийной экономики, являются способы и механизмы образования и распре-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ления «излишка» – результата ограниченного доступа к доходам наиболее производительных секторов экономики и к выручке от экспорта. Концентрируемый в руках представителей привилегированных слоев излишек является важнейшим источником накопления. В то же время объем потенциально доступных для производительного использования ресурсов имеет тенденцию к снижению, во-первых, в силу престижного потребления и заимствования из развитых экономик стандартов потребления; во-вторых, в результате давления на привилегированные слои с целью перераспределения излишка государством и (или) менее привилегированными слоями населения. Действие второго фактора усиливается при движении политико-экономической системы к демократизации и усложнению социальной структуры. Это, в свою очередь, является, как правило, результатом предшествующего периода относительно успешного экономического развития и роста излишка. Здесь, однако, возникают условия для порочного политического цикла: «В условиях демократизации так или иначе перераспределительные тенденции усиливаются. При этом или возникает инфляционная спираль, если распределение ведет к повышению издержек производства (что, помимо усиления инфляции, влечет за собой также и снижение излишка), или непосредственно забирается часть излишка, что рано или поздно также приводит к инфляционным явлениям. Таким образом, правила игры периферийного капитализма не позволяют устранить два его крупнейших дефекта: во-первых, его отторгающий эффект, который можно было бы скорректировать лишь путем более интенсивного накопления капитала за счет сокращения потребления привилегированных слоев и уменьшения доходов, переводимых в центры, и, во-вторых, его конфликтный характер, его противоречивость, усиливающуюся вследствие изменения соотношения сил в борьбе за власть между основными социальными слоями. Когда излишек возрастает, достигая своего максимума, а затем начинает сокращаться вследствие его перераспределения, система реагирует на это тем, что стремится вновь увеличить излишек. И для достижения этой цели прибегает к применению силы» [8, с. 50].

Еще одним дестабилизирующим для периферийной системы фактором выступает высокая степень зависимости от мировой конъюнктуры. Рост излишка при благоприятной конъюнктуре ведет к преимущественному росту престижного потребления, сопровождается усилением социального расслоения и напряженности без соответствующего роста производительного потребления. Период неблагоприятной конъюнктуры усиливает противоречия по поводу распределения излишка, приводя к росту социальной и политической нестабильности.

Таким образом, периферийный капитализм предстает как политико-экономическая модель, воспроизводящая отсталость не только в силу воз-

действия внешних факторов, но и в силу внутренних структурных особенностей, лишь обостряемых воздействием мирового рынка.

Сложившуюся в России политико-экономическую систему нельзя рассматривать только как результат политики последних десятилетий. Сама эта политика была во многом предопределена особенностями советской попытки рывка из отсталости. Уже в ходе дискуссий советских экономистов об индустриализации 1920-х годов отмечались те противоречия, которые потенциально вели к краху всего эксперимента. Е.А. Преображенский, один из наиболее ярких экономистов того периода, отмечал: «...Благодаря тому, что производительность труда и техника [в советской экономике] несравненно ниже, чем в Америке, и мы существуем, отгородившись от океана мирового рынка социалистическим протекционизмом, монополией внешней торговли, у нас создаются такие отношения в хозяйстве, которые были бы сметены при действии закона ценности и включении нашем в мировой рынок на основе свободы торговли» [9, с. 287].

Победа советской экономической системы в соревновании с ведущими экономиками так и осталась недостижимой мечтой. Ослабление, а затем и полное снятие барьеров между мировым рынком и национальной экономикой, между «планом» и «рынком» внутри страны (вполне соответствующее устремлениям и интересам значительной части советской «номенклатуры») привели к стихийному приспособлению социальных и политических структур под нужды периферийной экономики.

Вне зависимости от целей, от декларируемых (нередко – вполне искренне) программ и принципов результатом произошедшей трансформации стал периферийный капитализм. Характер возникшей системы был предопределен совокупностью социально-политических и экономических условий.

Периферийный капитализм в России: Социально-политические условия

Фундаментальной характеристикой, определяющей особенности современного состояния страны, является медитократический¹ характер ее элиты («псевдо-элиты») (*Шкаратан*). Как представляется, процесс складывания «медитократического общества» в переходный период определялся, главным образом, механизмом извлечения ренты («излишка») (посредством продажи

1. Термин «медитократия», введенный в научный оборот российским социологом О.И. Шкаратаном, обозначает характер формирования и воспроизводства элиты, противоположный меритократии, которая предполагает большую степень социальной мобильности и обновления элиты за счет наиболее способных выходцев из средних и низших слоев. Напротив, в медитократическом обществе «власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями...» [12, с. 78–79].

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

на мировом рынке доступных ресурсов) и распределением прав на доступ к этому механизму (посредством преимущественно силовых и административных методов). Стабилизация политико-экономической системы в первое десятилетие XXI в. стала результатом сложившейся на мировом рынке благоприятной конъюнктуры, позволившей расширить доступ в том числе части населения к результатам перераспределения излишка (как непосредственно, в результате роста доходов в отраслях и регионах с наиболее благоприятным по отношению к мировому рынку положением и последующим мультипликативным эффектом, так и за счет социальных мер государства). Значимым фактором этого процесса стал медитократический консенсус в рамках элиты, ознаменовавший окончание периода приспособления к увеличению извлекаемых из внешней торговли средств и связанными с этим конфликтами.

В целом стабилизация стала возможной после достижения страной устойчивого положения периферийной державы в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Лишь в малой степени это было результатом идеологических и политических установок (скажем, «государственнических»). Идеи, взгляды и программы выступают в основном проявлением личных склонностей, служат для рационализации сложившегося порядка вещей. Поведение этих людей – лишь следствие места той или иной группы элиты в процессе распределения излишка. Большинство представителей элиты в таких условиях неизбежно ориентируются на краткосрочные личные интересы. Даже искреннее желание отдельных, пусть и весьма влиятельных, представителей господствующего слоя вырваться из оков периферийной экономики обречено оставаться лишь выражением их субъективных предпочтений. Распространение коррупции довершает эту картину: «Этика любой общественной системы неделима. Порочность этики распределения, характерной для периферийного капитализма, – даже если эта этика опирается на закон, – стимулирует откровенно противоправные поступки, которые, получив распространение, искореняются с трудом» [8, с. 103]. В конечном счете логика действий лидеров (или претендентов на лидерство) здесь определяется необходимостью приспособиваться к балансу интересов внутри медитократической элиты.

До самого последнего времени предлагаемая российскому обществу стратегия развития основывалась на том, что поддержание стабильности в течение определенного периода времени даст возможность, решив экономические проблемы, решить и все остальные. Горизонт долгосрочной стабильности для периферийной экономики является недостижимой роскошью. Политико-экономическая система здесь слишком тесно связана с конъюнктурой мирового рынка; прочная связка права на собственность и извлечение дохода с властью и с возможностью административного и силового воздейст-

вия делает собственность дестабилизирующим, а не стабилизирующим фактором. Дуалистический характер экономики создает преграды для движения товаров, услуг, капиталов в рамках формального единого правового и экономического пространства; социальная структура включает слишком много очагов недовольства.

Широко известна проблема так называемого «ресурсного проклятья»: «плохие» институты в экономике, получающей значительные доходы от экспорта сырьевых ресурсов, препятствуют достижению устойчивого развития. Это, в свою очередь, углубляет структурные диспропорции, консервирует сами эти институты. Основанный на сырьевой ренте экономический рост, позволяя решить одни, пусть и наиболее острые, проблемы, дает возможность отложить решения других, фундаментальных.

Однако сложившаяся система управления не закрыта полностью для воздействия извне. В теории периферийной экономики Р. Пребиша особенности накопления и распределения связываются с достигнутым обществом уровнем демократизации; под ней понимается не наличие формальных демократических институтов как таковых, а прежде всего наличие «средних слоев» («среднего класса»), способных оказывать влияние на экономические и политические процессы, опираясь на соответствующие институты. Россия с этой точки зрения может быть отнесена к странам развитого периферийного капитализма, в которых относительно высокий уровень показателей экономического развития сочетается с развитой социальной инфраструктурой, высоким образовательным и культурным уровнем значительной части населения.

В таких условиях не внешняя угроза и связанная с нею необходимость поддержания внутренней стабильности и военного паритета, а спрос на будущее со стороны «средних слоев» является сегодня фактором, побуждающим правящий слой к разработке стратегии модернизации. Это не означает, что процесс демократизации исключает возможность появления военных целей в списке требований среднего класса. Масштабные программы военной модернизации последнего времени явно продиктованы стремлением заручиться поддержкой со стороны членов среднего класса, так или иначе связанных с военно-промышленным комплексом. Но очевидно, что эти программы основаны и на стремлении дать ответ на остро ощущаемую во всех слоях общества угрозу полной утраты военного паритета.

Давление снизу в сторону демократизации стало объективным следствием экономического развития последнего времени, его успехов и неудач. Но важнейшая потенциальная проблема, возникающая на этом пути, – не угроза новой социально-политической дестабилизации российского общества как таковая. Неизбежность разного рода потрясений в результате, например, перехода к прямым выборам глав субъектов Федерации явно преувеличена. Но точно так же было бы не вполне правомерно ожидать от давления снизу

исключительно положительного эффекта, рассматривать демократизацию не только как необходимое, но и как достаточное условие модернизации.

Во-первых, спрос на перемены не обязательно воплощается в спросе на «правильные» институты. Он вполне может воплощаться в требованиях принятия скоропалительных, популистских или прямо враждебных правам человека решений. Распространенный в обществе (а не только в его «маргинальных» кругах) радикализм, например в отношении борьбы с преступностью, в частности с коррупцией, вполне можно ощутить, ознакомившись с содержанием форумов или комментариями к публикациям интернет-изданий. (Нельзя не отметить, что радикализм предлагаемых решений базируется не только и даже не столько на низкой культуре и правовом нигилизме граждан, сколько на вопиющих примерах следования принципу «своим – всё, остальным – закон», на ощущении беззащитности перед лицом как преступности, так и правоохранительных органов.) Само формирование спроса на перемены в результате неудовлетворенности сложившимся порядком вещей предопределяет значительную степень радикализма требований, часто несовместимых с курсом на реализацию долгосрочных задач экономического развития. Это особенно проявляется в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры. «...Средний класс выполняет стабилизирующую функцию лишь в благополучном обществе, когда дела идут хорошо и имеется хорошее правительство. Когда же экономическая конъюнктура резко ухудшается, средний класс первым начинает раскачивать общество...» [1, с. 201].

Во-вторых, процесс демократизации, рост влияния среднего класса формируют очаги напряженности внутри господствующего класса. Сталкиваясь с угрозой подрыва позиций и делегитимизации собственного положения одни его группы склонны подавить очаги нестабильности любой ценой, другие же, напротив, могут стремиться «оседлать волну». Такое разделение внутри господствующего класса, наслаиваясь на объективные противоречия между федеральными и региональными властями, между высшими и низшими уровнями чиновничьей иерархии и т.д., раскалывает элиту в целом, создает благоприятные условия для различного рода «путчей». Возможность прихода «лучших» в результате такого рода ротации не исключается, но, вероятно, и не гарантируется. Сам по себе рост внутриэлитных конфликтов, даже не вырываясь наружу, усиливает ориентацию на поддержание существующего баланса сил и интересов в ущерб долгосрочным целям, порождает склонность к принятию «популярных» решений. При этом выбор в пользу ускоренной модернизации (в какую бы форму призывы к ее проведению ни облеклись), несомненно, принадлежит к числу таких решений. Однако попытка «большого скачка» в таких условиях с высокой степенью вероятности обречена на провал.

Демократизация является объективным и желательным результатом экономического роста в обществах с высоким образовательным и культурным потенциалом. Риски усиления давления снизу в пользу принятия «популярных», направленных на перераспределение, а не накопление решений в этом случае действительно существенны. Но и попытки сдерживать эти требования, встроить их в рамки преимущественно формальных демократических институтов, чреваты ростом нестабильности политико-экономической системы в целом. Поддержание баланса интересов внутри правящего слоя, попытки заручиться поддержкой широких масс (прежде всего за счет принятия «популярных решений») в этом случае будут препятствовать достижению устойчивого экономического роста без соответствующего выигрыша, связанного с развитием политических институтов и повышением легитимности политической системы.

Эффективные демократические механизмы должны обеспечивать в долгосрочной перспективе условия для конкуренции и отбора лидеров, для легитимной сменяемости находящихся у власти групп, для ротации внутри властвующей элиты и ее постепенного регулярного обновления. Однако этим долгосрочным целям препятствуют экономические проблемы, специфические для стран развитого периферийного капитализма – проблемы, усиливающиеся, в том числе, и практически неизбежным принятием «популярных» решений, которые ведут к обострению бюджетных проблем, инфляции, замедлению накопления и усилению оттока доходов за пределы национальной экономики. Разная скорость протекания политических и экономических процессов, несоответствие экономической структуры периферийного капитализма вызовам изнутри и извне могут приводить и, как показывают примеры Аргентины, Бразилии, Чили в XX в., приводили к возникновению порочного политического цикла.

Повторяющиеся «рывки из отсталости» можно считать одной из характеристик такого цикла. В «слаборазвитых» периферийных экономиках стимул к этим рывкам рождается в рамках правящей элиты, а важнейшим мотивом выступает необходимость поддержания военного паритета. В развитых периферийных экономиках условия для этого создаются на уровне «общественного мнения», в результате давления со стороны «средних слоев». Во всех случаях политика модернизации наталкивается на ограничения, обусловленные структурой экономики, недостатком капиталов, зависимостью от внешнего рынка.

Следует подчеркнуть: рост возможностей влияния общества на политические процессы в России, усложняя механизм функционирования политико-экономической системы, не решает автоматически всего комплекса экономических проблем. Не противоречат ли друг другу политическая и экономическая стороны модернизационного процесса? Можно ли ожидать, что сло-

жившаяся структура экономики способна обеспечить переход к устойчивому экономическому росту, при сохранении возможности дальнейшей демократизации политической системы?

Периферийный капитализм в России: Экономические ограничения

На пороге экономического кризиса, начавшегося в конце 2008 г., «восстановительный период» в России был в основном завершен. Главный вызов в связи с этим представляет не сам последовавший спад. Проблема в том, что предшествующий экономический рост в значительной степени основывался на использовании перераспределенных активов и производственных мощностей советского периода. С одной стороны, необходимость модернизации в сугубо техническом смысле – обновление основных производственных фондов, создание новых инфраструктурных объектов, внедрение новых технологий и т.п. – несомненна. С другой стороны, очевидна и проблематичность решения этой задачи на основе сложившихся механизмов накопления и распределения.

Значительный рост объемов производства и доходов населения между кризисами 1998 и 2008 гг. не сопровождался позитивными сдвигами в структуре экономики. Его двигателем был рост спроса, обусловленный увеличением экспорта сырьевых ресурсов в стоимостном выражении. За период с 2000 по 2008 г. выручка только от экспорта нефти, газа и нефтепродуктов возросла с 52 млрд до более чем 300 млрд долл. (без соответствующего увеличения добычи и переработки) [6]. Столь значительное увеличение доходов в иностранной валюте приводило к инфляции, укреплению курса рубля и росту импорта. Связанное с этим сокращением стимулов и возможностей для накопления накладывалось на неадекватность институтов, обеспечивающих мотивы для образования сбережений, их концентрации и инвестирования.

Фактором, компенсирующим недостаток частных инвестиций и поддерживающим экономический рост на высоком уровне, стало увеличение государственных расходов. «Несмотря на создание и активное наполнение нефтегазовых фондов, досрочное погашение значительной части внешнего долга, – писали А. Кудрин и О. Сергиенко, – Россия оказалась одной из немногих нефтедобывающих стран, где в докризисный период государственные расходы росли относительно ВВП» [5]. Этот процесс был связан не только с возрастанием роли государства в перераспределении, но и с расширением непосредственного участия государства в экономике. Это было продиктовано стремлением возместить недостаток инвестиций, мобилизуемых рыночным путем, поддержать стратегически важные и социально значимые предприятия и отрасли, консолидировать «расползшиеся» в ходе приватизации активы

в рамках вертикально-интегрированных комплексов. В результате за последние годы «роль государственного сектора в российской экономике возросла. По оценкам Минэкономразвития, доля государственных и контролируемых государством компаний достигает 45–50%. Удельный вес таких компаний в инвестициях составляет около 40%» [5, с. 12].

Рост государственного участия в экономике был до определенной степени неизбежен. Это обуславливалось как начавшимся соревнованием («государства» с «бизнесом»), сросшимся с федеральной и региональными элитами к концу 1990-х годов, так и сугубо экономическим фактором – недостаточностью частных накоплений. Но продолжение этого роста не представляется ни оправданным с учетом эффективности сформировавшихся в результате механизмов и институтов, ни возможным с учетом бюджетных ограничений. Единственным источником долговременного роста являются в сложившихся условиях частные инвестиции. Но и на этом пути возникают сугубо экономические препятствия. «С точки зрения нормы сбережения Россия в докризисный период практически не уступала “азиатским тиграм” – Южной Корее, Гонконгу, Малайзии, поддерживая ее на уровне выше 30%. В 2009 г. норма сбережения снизилась до 23,4% от располагаемого дохода, поэтому актуальна задача ее восстановления. Что касается нормы накопления, то она, за исключением 2007–2008 гг., не превышала 22% ВВП, это более чем на 10 п.п. меньше, чем в упомянутых странах. Для сближения нормы накопления и нормы сбережения надо прежде всего сократить вывоз российского капитала из частного сектора (он составляет от 7 до 13% ВВП, т.е. больше половины величины накопления основного капитала)» [5, с. 7].

Решать эту задачу часто предлагалось и предлагается за счет обеспечения благоприятных институциональных и экономических условий. Но нельзя забывать, что в арсенале доступных для политиков средств всегда остаются инструменты государственного регулирования и контроля. Ориентация на их использование возрастает при склонности к принятию наиболее быстрых, простых, понятных, а главное – «популярных» решений. Следует заметить, что понятие институтов в экономической науке включает не только формальные нормы и правила (в их появлении и изменении отечественная политика никогда не испытывала недостатка), но и неформальные принципы и правила поведения. Быстро изменить их нельзя.

Еще А. Смит утверждал: «Бережливость, а не трудолюбие, является непосредственной причиной возрастания капитала. Правда, трудолюбие создает то, что накапливает сбережение. Но что бы ни создавало трудолюбие, капитал все же никогда не мог бы возрасти, если бы бережливость не сберегала и не накапливала» [11, с. 249]. Россия в действительности, несмотря на огромные потенциальные богатства, не является богатой страной с точки зрения доступных для инвестирования ресурсов. Провал в объемах инвестиций, начав-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

шийся с конца 1980-х годов, значительно усугубил отставание от ведущих экономик в производительности труда и других важнейших показателях, которое неуклонно увеличивалось уже с 1960-х годов. Нельзя отрицать успехов, достигнутых в период экономического роста первого десятилетия XXI в. Но несмотря, например, на значительный рост активов банковской системы России (в 2,5 раза только с 2007 по 2011 г.), их совокупная величина (41,6 трлн руб., или около 1,4 трлн долл. на 1 января 2012 г.) [10, с. 12] была меньше активов одного *Bank of America* (около 2,3 трлн долл. на конец 2010 г.²), входящего в четверку крупнейших американских финансовых институтов. Неудивительно, что, по некоторым оценкам, средний уровень производительности труда в российской экономике составлял от 17 до 26% от американского уровня. Это, в частности, выражается в том, что для производства 1 т стали в нашей экономике требуется в 3 раза больше рабочих [см.: 14].

Рассмотрение возможных подходов к решению этой ключевой экономической проблемы нашло отражение в дискуссиях представителей общественных дисциплин.

В российской экономической науке сформировалось направление, представители которого обосновывают необходимость проведения новой индустриализации («неоиндустриализации») за счет применения мер государственного регулирования и планирования [см., напр.: 2]. Несмотря на различия в подходах, экономисты этого направления в той или иной степени опираются на эмпирические данные, характеризующие экономическое положение страны, собственную интерпретацию некоторых идей Дж.М. Кейнса и представителей кейнсианства, учение о циклах (волнах долговременной динамики), представляющее разновидность теории реального цикла Н.Д. Кондратьева и его современных последователей. Практические рекомендации этих авторов основываются на том, что ключ к решению стоящих перед страной проблем лежит в скорейшей ликвидации технологического отставания, обращения вспять процессов деиндустриализации и просто деградации целых отраслей при активном участии государства, в том числе и в финансировании инвестиционных программ. Задача модернизации таким образом выступает как задача преимущественно технической: модернизация рассматривается как индустриализация. За скобками, однако, остается, как правило, политическая составляющая: роль эффективного государства, по существу, выводится из желания и готовности осуществлять предлагаемую политику. Однако достаточно ли стремления проводить активную государст-

2. Источник: *Bank of America Corp. 2010 Annual Report*. (<http://thomson.mobular.net/thomson/7/3171/4426/>).

венную политику в области модернизации для преодоления проблем, пронизывающих все уровни управленческой иерархии?

Практические рекомендации, разрабатываемые в рамках указанного направления, во многом (но не во всем) отражали модель развития последнего десятилетия. Возможно, окончательные итоги функционирования активно создаваемых за эти годы бастионов «государственного капитализма» подводить еще рано. Но сегодня их определенно нельзя считать вдохновляющими. Конечно, это можно считать результатом не развития государственного капитализма, а его недостаточного развития. Но каким образом можно было бы обеспечить долговременное и устойчивое поступление необходимых для этого ресурсов? Действительно, проблему часто предлагается решить за счет национализации «сырьевой ренты». Но, во-первых, это не отменяет зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, без преодоления которой невозможна реализация долгосрочной стратегии развития. Во-вторых, может ли смена собственника изменить принципы распределения получаемых от продажи на внешних рынках ресурсов без смены элиты и отхода от сложившейся этики экономического поведения? Определенным (и не очень обнадеживающим) ответом на этот вопрос может служить процесс выращивания отечественной «олигархии», вполне, как оказалось, совместимый и с «уходом» государства в 1990-е годы и с его «приходом» в 2000-е. Можно ли считать, далее, что «государствление» наиболее прибыльных высот национальной экономики не затронет уровни малого и среднего бизнеса? Отметим лишь, что «развитие малого и среднего бизнеса», ставшее уже ритуальным заклинанием, само превратилось в бизнес, питаемый где ручейками, а где и потоками бюджетных средств.

Значительное внимание политической составляющей модернизационного процесса уделялось в концепции «авторитарной модернизации», предполагающей неизбежность ограничения политических прав и свобод для успешной реализации соответствующих экономических мер [см., напр.: 4]. При этом «авторитарная модернизация» теоретически совместима и с моделью, предполагающей преимущественную опору на частные инвестиции как на источник развития. Данная концепция подчеркивает необходимость не всякого авторитаризма, а «авторитаризма развития». Однако в этом случае фундаментальным ограничителем выступает «кадровый вопрос». На какую часть существующей элиты мог бы опираться «просвещенный» авторитаризм? Будет ли он обладать временем и ресурсами для выращивания новой? Без ответа на эти вопросы экономические преимущества жесткого курса не очевидны. Изменение политического режима не может само по себе решить структурные проблемы и преодолеть экономические ограничения. Отсутствие кадров модернизации практически неизбежно приведет к усугублению «ресурсного проклятья», доведя коррупцию и разложение до новых «высот».

Противовесом указанным подходам стало обоснование необходимости развития с опорой на частные инвестиции, предполагающее, в качестве необходимого дополнения, расширение политических прав и свобод. Условие реализации данной модели в полемически заостренной форме может быть выражено так: «Не нужно создавать институты развития, не нужно призывов к модернизации – если инфляция будет низкой, придут деньги и сделают модернизацию» [7]. Даже если этот тезис справедлив с макроэкономической точки зрения, следует отметить, что логика развертывания политических процессов в периферийной экономике не сможет воспрепятствовать требованиям большего перераспределения излишка и соответствующему раскручиванию инфляции. Фактическая динамика событий последнего времени скорее подтверждает, чем опровергает этот вывод. Стремление к реализации масштабных инновационных и прочих проектов и программ в отсутствие внятного решения таких потенциально взрывоопасных для бюджета проблем, как дефицит пенсионных накоплений при одновременном расширении социальных обязательств, вряд ли можно считать случайным зигзагом. В условиях сокращения политических дивидендов от быстрого экономического роста и роста спроса общества на перемены возможности для проведения консервативной финансовой политики сужаются. Но и достижение желаемых низких значений инфляций вряд ли способно автоматически «привести деньги» в необходимых объемах, решить задачи модернизации с учетом сложившейся структуры экономики и масштабного технико-экономического отставания. Проблема субъекта модернизации и в этом случае остается ключевой.

Ход развития страны за последнее десятилетие сочетал, в той или иной пропорции, черты рассмотренных выше теоретических концепций. Но окончательный выбор, как представляется, еще не сделан.

Вместо заключения: Модернизация как проблема

Вне зависимости от установившегося политического режима, переход к целенаправленному «осовремениванию» в условиях периферийной экономики неизбежно сталкивается с ресурсными ограничениями. Это может привести либо к фактическому отказу от решения модернизационных задач, либо к мерам по созданию условий для роста сбережений и поддержанию механизмов перевода сбережений в инвестиции. Здесь возможны две модели экономического развития.

В первом случае ведущим субъектом, обеспечивающим мобилизацию ресурсов и рост капиталовложений, выступает государство (путь, опробованный в чистом виде в СССР, но также с опорой на механизмы «государственно-частного партнерства» в ходе предшествующих попыток модернизации

в дореволюционной России). Этот путь позволяет, при ряде условий, обеспечить форсированный рост капиталовложений. Но он, как известно, сопряжен с возникновением серьезных проблем, среди которых: постоянное возникновение «узких мест», сдерживающих потенциальный рост эффективности, порождающих инфляцию и дефицит; необходимость опоры на «менеджеров», преследующих свои интересы – пусть и не всегда узкокорыстные, но, как правило, не совпадающие с «общенародными»; необходимость установления зазора между государственными средствами, пускаемыми на нужды модернизации, и «рынком», где эти средства могут быть потрачены. Наличие этих и некоторых других проблем создает постоянную угрозу перестраивания экономики: перехода от производительного потребления мобилизованных государством (или при участии государства) ресурсов к их перераспределению (часто на основе неформальных механизмов) между вовлеченными в освоение этих средств участниками. Здесь формируется благоприятная среда для коррупции и «теневой экономики». Но, как показал, например, анализ Я. Корнаи плановой экономики [3], и обычные «социалистические предприятия» функционировали в результате по принципам, весьма отличным от декларируемых и предписываемых гораздо более жесткой системой контроля. Риск нежелательного перестраивания экономической модели усиливается в случае доступности устойчивой ренты от природных ресурсов.

Во втором случае основой для модернизации выступает рыночная мобилизация ресурсов, основными субъектами которой являются частные инвесторы. Здесь необходимо создание условий, обеспечивающих доверие внутренних и внешних инвесторов: институциональных (соблюдение прав собственности, наличие правоохранительной и судебной систем, обеспечивающих защиту от произвола), экономических (прежде всего доступность кредитных ресурсов). Создания этих условий и проявления эффекта от них можно ожидать лишь в долгосрочной перспективе, что делает практически невозможным быстрый рывок (а это, в свою очередь, создает серьезные экономические и политические проблемы в условиях длительного экономического спада). Важнейшие ограничения для рыночной мобилизации связаны с недостатком капиталов, возможным негативным воздействием внешнего рынка, зависимостью от ожиданий инвесторов, постоянной «конкуренцией» между склонностью к инвестированию и к потреблению (особенно в условиях заимствования стандартов потребления из более производительных экономик). Столкновение с такими ограничениями способно породить стремление усилить роль государства, в частности в области сдерживания роста внутреннего потребления и регулирования движения капиталов.

Выбор любой из возможных моделей развития не будет окончательным и бесповоротным. Столкновение с экономическими ограничениями в условиях политико-экономической системы периферийного капитализма неизбежно будет влиять на поведение субъекта модернизации, каковы бы ни были намерения тех, кто его формирует. Представители правящего слоя могут либо подчиняться требованиям мирового рынка, извлекая из этого максимальную личную выгоду, либо стремиться вырваться из его оков, опираясь на него как на источник необходимых для модернизации ресурсов.

Окончательный выбор в пользу целенаправленного ускорения экономического развития России неизбежно приведет к вступлению в полосу турбулентности. Преодоление формального характера демократических механизмов, если оно произойдет, вероятно, усилит давление снизу в пользу такого ускорения. Это, конечно, не означает, что отказ от модернизации гарантирует стабильное существование. Но быстрое и безболезненное проведение модернизации периферийной экономики невозможно. Поэтому на первый план выходит проблема долгосрочной, разумной и взвешенной стратегии. Качества элиты и рекрутируемого из нее правящего слоя являются, вероятно, самым существенным условием хотя бы частичного успеха такой стратегии. Сложившийся в рамках существующей элиты медитократический консенсус с этим несовместим.

Литература

1. Воейков М.И. Политико-экономические эссе. – М.: Наука, 2004.
2. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – № 9.
3. Корнай Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990.
4. Красильщиков В.А. Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России // Модернизация России: Условия, предпосылки, шансы. – М., 2009. – Вып. 1.
5. Кудрин А., Сергиенко О. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. – М., 2011. – № 3.
6. Кудрин А.Л. Интервью «Не стал бы нас с Путиным называть единомышленниками» // Ведомости. – М., 2011. – 12 декабря. – № 234.
7. Кудрин А.Л. Интервью «Алексей Кудрин: Базовые наши недостатки лечатся политическими свободами» // Коммерсантъ-Деньги. – М., 2012. – № 5. – 6 февраля.
8. Пребиш Р. Периферийный капитализм: Есть ли ему альтернатива. – М., 1992.
9. Преображенский Е.А. Прения по докладу т. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве». Заключительное слово // Е.А. Преображенский. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. – М., 2008.
10. РИА-Аналитика. Аналитический бюллетень «Банковская система России: Тенденции и прогноз». Вып. 10. – М.: РИА НОВОСТИ (http://vid1.rian.ru/ig/ratings/b_banki10.pdf) (Доступно 21.02.2012.)
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962.

12. Шкаратан О.И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в российском и мировом контекстах // Мир России. – М., 2011. – Т. XX – № 4.
13. Явлинский Г.А., Космынин А.В. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (Российское общество как процесс) // Мир России. – М., 2011. – Т. XX. – № 2.
14. Bush J. (2009) Why Is Russia's Productivity So Low? // Bloomberg Businessweek, May 8. (<http://www.bloomberg.com/news/articles/2009-05-08/why-is-russias-productivity-so-low>) (Доступно 21.02.2012.)